
ЗЫРЯНОВА КРИС
18+
ТЕОРИЯ
ПОКОЯ

Крис Зырянова

Теория покоя

«Издательские решения»

Зырянова К.

Теория покоя / К. Зырянова — «Издательские решения»,

Нова — хранительница чужих тайн. Она возвращает людям голоса из прошлого, честно глядя в лицо самой страшной человеческой боли, после которой они обретают покой.Это история о ценности времени, слов, о внутренних скрытых чувствах, а также о самой большой и настоящей любви.О том, что значит быть рядом, сохранить память и найти силы жить дальше.

© Зырянова К.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ 6
Часть 1 7
ГЛАВА 1: ЦЕНА НЕПРОЧИТАННОГО ПИСЬМА 7
ГЛАВА 2: ТЕНЬ НА ВАНТОВОМ МОСТУ 9
ГЛАВА 3: АКУСТИКА НЕОНОВОГО ГОРОДА 11
ГЛАВА 4: ШОРОХ СТАРОЙ ЛЕНТЫ 14
ГЛАВА 5: ИСКРА В ТЕМНОТЕ 17
ГЛАВА 6: УБЕЖИЩЕ НА КРАЮ ОБРЫВА 18
ГЛАВА 7: АНАЛОГОВЫЕ НОЧИ И ТРЕЩИНА В СТАЛИ 24
ГЛАВА 8: КАЧЕЛИ НА КРАЮ БЕЗДНЫ 25
ГЛАВА 9: АНАТОМИЯ ЗАБЫТОГО ШЕЛКА 28
ГЛАВА 10 31
ГЛАВА 11 33
ГЛАВА 12: РАЗОРВАННЫЙ КОМПАС 35
ГЛАВА 13: ЭХО ПОТЕРЯННОГО БРАТА 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Теория покоя

Крис Зырянова

© Крис Зырянова, 2026

ISBN 978-5-0071-4390-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

«Покой — это не отсутствие шторма вокруг. Покой — это отсутствие чужого шума внутри.».

Слушай меня внимательно, дорогой читатель.

Сними наушники. Закрой лишние вкладки в своем телефоне и выдохни весь тот суетливый мусор, который тебе набивали в голову последние двенадцать часов.

Нас здесь только двое: ты и я. За окном шестнадцатого этажа — ночной мегаполис, умытый холодным дождем. Ох, этот сибирский дождь. Он не похож на европейский — ласковый и короткий. Здесь он обрушивается внезапно, стеной, застилая тайгу серой пеленой. Капли крупные, холодные, будто насквозь пропитаны вековой хвоей и торфяной влагой. Земля под ними не впитывает, а глухо стонет, отдавая последнее тепло.

Внизу, по мокрым гранитным набережным, горят сотни крошечных огней. Это бегут люди. Они думают, что куда-то успевают. Они спешат в теплые квартиры, пишут сообщения на задних сиденьях такси, дают клятвы до гроба.

И в какой-то момент, каждый из этих людей начинает искать покой.

Покой — это жесткий, самый дорогой налог, который ты платишь за право выкинуть из своей жизни всё фальшивое. Покой стоит дорого. Но когда ты его обретаешь — ты становишься непотопляемым.

Но как же ощущается этот покой?

Меня зовут Нова. Брюнетка с черными глазами. Моя профессия не фигурирует ни в одном государственном реестре. Я — Арбитр Окончательности. Я прихожу туда, где чужая жизнь зашла в тупик, где люди натворили глупостей, предали, струсили или запутались во вранье, но у них не хватает духа поставить точку. Я прихожу и ставлю эту точку за них. Жестко. Красиво. Навсегда.

Мое главное правило было простым: никогда не пускать чужой шум в свое сердце.

Но один осенний звонок, раздавшийся в четыре утра в моей квартире, пахнущей сухой лавандой и старым винилом, сломал эту систему к чертям.

Налей себе крепкий кофе и я расскажу тебе, как на самом деле звучит душевный покой.

Часть 1

ГЛАВА 1: ЦЕНА НЕПРОЧИТАННОГО ПИСЬМА

Дождь барабанил по капоту моей машины с ритмом хорошего уличного бита. Низкий бас из колонок мягко вибрировал в грудной клетке, заставляя забыть о внешнем мире. Я сидела на водительском сиденье, наблюдая, как капли воды рисуют ломаные траектории по затонированному стеклу.

В этом городе люди панически боятся тишины. Им нужно постоянно заполнять эфир: радиопередачами, чужим мнением, неискренними поцелуями или бессмысленным перекидыванием буквами в мессенджерах. Они думают, что если на секунду замолчат — их сожрет собственная пустота. И они правы.

Потому что для того, чтобы выдерживать молчание, внутри должен быть стержень. Литой. Железный.

Телефон на соседнем сиденье зажёгся ровным синим светом. Без звука — звук у меня выключен уже лет пять. На экране высветился короткий зашифрованный код. Это означало, что клиент перевел аванс и ждет на месте.

Я поправила воротник своего тяжелого, строгого пальто, взглянула в зеркало заднего вида. Никакой суеты на лице. Качественный минимализм. Глаза — холодные и спокойные, как зимний Енисей. Я готова.

Заказ был классическим для моей практики, но с противным послевкусием.

Один крупный чиновник — из тех, что любит разглагольствовать в новостях о «семейных ценностях» и «чести» — решил тихо убрать свою бывшую сожительницу. Женщину, которая когда-то вытащила его из нищеты, отдала ему свои лучшие годы, верила в его и хранила его самые темные секреты.

Теперь, когда он пробился наверх и готовил статусную свадьбу с дочерью своего инвестора, старая верная спутница стала для него «неудобным шумом».

Он не придумал ничего лучше, чем просто уйти. Заблокировал ее, прислал сухое сообщение «мне надо побыть одному» и нанял меня, чтобы я забрала ее из квартиры, которую он раньше снимал для их встреч, и передала ей конверт с отступными.

Он хотел, чтобы я сделала за него его трусливую работу. Что сказать, мужчины…

Я поднялась на двенадцатый этаж. Дверь была приоткрыта. В квартире пахло дорогими духами, остывшим чаем и той самой звенящей, вымораживающей болью, которую оставляет после себя предательство.

Она сидела у окна. Красивая, с прямой спиной, в тонком шелковом халате. На столе перед ней лежал открытый ноутбук. На экране висела недавняя статья из светской хроники: фотография ее мужчины с молодой улыбающейся брюнеткой и заголовок об их скорой помолвке.

— Вы от него? — тихо спросила она, не оборачиваясь.

Ее голос не дрожал. Это был голос человека, у которого только что заживо выжгли внутренний мир, но гордость не позволила упасть на колени.

— Я здесь для того, чтобы эта история закончилась достойно, — ответила я, вставая у двери и не делая лишних шагов. — Он не придет. Он не напишет. У него не хватило мужского ресурса сказать вам это в лицо.

Она коротко, горько усмехнулась. В этой усмешке было больше силы, чем во всех публичных речах ее бывшего.

— Знаете, что самое смешное? — она повернула ко мне бледное, благородное лицо. — Неделю назад он шептал мне, что сердцем отпустить не может. Говорил, что я — его единственная истина. А потом просто сбежал.

Я достала из кармана плотный конверт, положенный мне по протоколу, и медленно положила его на столик у входа. Но не отдала ей в руки.

— Не ищите логику в мужских поступках, — произнесла я ледяным, глубоким голосом. — Не смейте думать, что вы не дотянули. Это он оказался слишком мелким для вашей высоты.

Она резко взглянула на меня и в ее глазах вспыхнул сухой, гордый огонь. Понимание дошло до нее. Я развернулась и вышла, закрыв за собой дверь.

Конверт с деньгами клиента я оставила на тумбочке, а в его адрес отправила короткое сообщение из одного слова: «Исполнено. Ты свободен от чести».

Я спустилась на улицу. Ночной воздух обжег легкие свежестью дождя. Вспомнив, что скейт лежит в багажнике, вытащила его, оттолкнулась от сырого асфальта и умчалась в темноту набережной. Скорость смывала чужую грязь.

ГЛАВА 2: ТЕНЬ НА ВАНТОВОМ МОСТУ

Четыре часа утра — это не ночь и еще не утро. Это время, когда даже самый громкий мегаполис на секунду замирает, обнажая свою истинную, серо-гранитную суть.

Я сидела на широком подоконнике своей квартиры на шестнадцатом этаже. На старом японском проигрывателе тихо крутился винил 1974 года — низкий, глубокий джаз с едва слышным треском аналоговой дорожки. В комнате пахло сухой лавандой, холодным кофе и озоном после затихающей грозы.

Вы слышите этот треск на пластинке? Нет, это не дефект. Это звук настоящей жизни. В цифре нет ошибок, там все вычищено до идеальной, мертвой гладкости. А в аналоге есть дух. Есть шероховатость. Точно так же и с людьми: бойся тех, у кого гладкие, идеально причесанные биографии и правильные речи. За ними всегда скрывается пустота.

Телефон на дубовом столе зажёгся ровным, холодным светом. Синий сигнал. Тревожный уровень.

Я не спеша подошла, взяла трубку и сняла блокировку. На экране проявился единственный текстовый файл с грифом прямой конфиденциальности. Сообщение не от мелкого чиновника. Это был вызов из самой вершины этого города.

«Нова. Маркус умирает. У тебя два часа, чтобы подняться в пентхаус „Скай-Линии“. Сделка века требует Арбитража. Цена вопроса — абсолютная».

Маркус. О, человек-легенда! Архитектор, построивший половину мостов, стеклянных башен и финансово логистических узлов этого региона. Восемьдесят лет, миллиардное состояние, холодный разум и абсолютная, железобетонная репутация «создателя нового мира».

Но я знала про Маркуса то, о чем молчали деловые издания. Сорок лет назад он начинал не один. С ним был Лео — гениальный инженер-акустик, создавший концепцию сейсмически и ветроустойчивых вантовых конструкций. Лео был создателем. Маркус был продавцом. И когда бизнес потребовал монополии, Маркус просто вычеркнул Лео из всех патентов, обанкротил его компанию и заставил того подписать соглашение о вечном молчании. Лео умер в нищете на старой портовой барже. А Маркус стал королем.

И вот теперь, когда рак доедал остатки его тела в стеклянной палате на высоте двухсот метров над городом, старику захотелось очистить совесть? Нет. Такие люди не верят в раскаяние. Им нужна безопасность их наследия.

Через сорок минут я зашла в лифт с бесшумным плавным ходом. Стеклянный кабина неслась вверх, отражая огни засыпающих улиц. На мне было темное кашемировое пальто, в кармане — легкий аналоговый диктофон и тяжелый стальной зажим. Мой личный инструментарий.

Пентхаус пах медицинским кислородом, дорогой кожей и близкой смертью. Из панорамных окон открывался вид на великую реку и огромный вантовый мост, подсвеченный синими неоновыми нитями. Мост, который когда то придумал Лео, но на котором стояло имя Вэнса.

Маркус сидел в полулежачем кресле-каталке, обвешанный капельницами. Его лицо напоминало пергамент, но глаза… глаза горели тем самым цепким, злым огнем человека, привыкшего ломать чужие судьбы об колено.

— Ты опоздала на три минуты, Арбитр, — хрипло произнес он. Его голос звучал как сухой шелест опавшей листвы.

— Я пришла ровно тогда, когда ты созрел сказать правду, Маркус, — я встала у края огромного стеклянного стола, не садясь и не снимая пальто. — Говори. Время платить по счетам.

Старик горько, сухо усмехнулся:

— Мои наследники — гиены. Мой совет директоров — стая шакалов. Они ждут моей смерти, чтобы продать компанию китайскому холдингу и снести старый портовый квартал, построив там бетонные коробки. Но они не знают одного. Тридцать лет назад я не уничтожил оригиналы чертежей. Я спрятал три макетных аналоговых бобины с оригинальными расчетами и его аудио-завещанием.

— Где они? — спросила я, сохраняя ледяной покой.

— В трех разных точках города. Если эти пленки попадут в прессу и совет директоров до моей кончины — сделка по продаже компании сорвется, а имя Лео будет вписано в историю моста. Моя семья обеднеет на сотни миллионов. Они наняли людей, чтобы найти раньше тебя и сжечь их.

— Чего ты хочешь от меня, Маркус?

Старик подался вперед, его дрожащие пальцы впились в подлокотники:

— Я хочу, чтобы ты получила эти пленки первой. И сделала то, для чего тебя создали: выставила счет. Публично. Честно. Навсегда. Я хочу умереть с осознанием того, что перед смертью сокрушил собственную ложь.

Я смотрела в его глаза и видела не святого, а старого волка, который решил перед гибелью загрызть собственную стаю, понимая, что они не стоят его мизинца.

— Мой гонорар — миллион. И полное не вторжение в мои методы, — сказала я.

— Согласен, — прохрипел Вэнс. — Но берегись, Нова. За пленками уже идет Каэль. Служба безопасности холдинга отправила его еще полночи назад. Он не знает провала. И он не умеет прощать.

Я развернулась к выходу. Стеклянные двери бесшумно разъехались.

— Каэль? — переспросила я у самого порога, не оборачиваясь. — Передай ему, что в этом городе работаю только я.

ГЛАВА 3: АКУСТИКА НЕОНОВОГО ГОРОДА

Улицы в пять утра принадлежат только поливальным машинам, редким стритрейсерам.

Я вела свое черное матовое купе по мокрому проспекту. Скорость — сто двадцать. Двигатель урчал низким, уверенным басом. На пассажирском сиденье лежала планшетка с координатами первой точки, которую дал Маркус. Старый док №4 в промзоне на южном берегу реки. Заброшенная мастерская по ремонту судов, где сорок лет назад Лео начинал свои акустические расчеты.

Момент когда решено всё, но бой еще не начался. Внутри меня не было страха. Было то самое звенящее ощущение абсолютной собранности, когда каждое движение точно, а мысли чисты как хрусталь.

Я припарковала машину в тени ржавых портовых кранов. Вокруг витал густой запах солёной речной воды, топливной смазки и подгнивших водорослей. Дождь стих почти совсем, однако с металлических перекрытий крыши всё ещё мерно падали крупные прозрачные капли.

Я достала из багажника свой скейтборд — просто на всякий случай, для скорости маневра в длинных ангарах, — перекинула через плечо кожаную сумку и прошмыгнула в выбитый проем старой тяжелой двери.

Внутри ангара царил полумрак, разрываемый лишь синими сполохами далекого неонового щита за окном. Огромные ржавые корпуса катеров, горы старых тросов, обрывки чертежей на деревянных столах. Место, где застыло время. Мои шаги глухо отзывались под высокими сводами. Я шла точно по карте: к старой акустической будке в глубине цеха, где когда-то тестировали корабельные сирены.

И вдруг я замерла.

Шум дождя снаружи не изменился. Звук капель остался прежним. Но воздух в цехе плотно сгустился. Изменилась сама частота пространства. Кто-то стоял в тени за ржавой балкой у самого входа в будку.

— Не шагнешь дальше — сохранишь пальцы, Арбитр, — раздался голос из темноты.

Это был не просто голос. Это был тяжелый, низкий, бархатный с хрипотцой, который не требовал повышения тона. В нем чувствовалась такая физическая и ментальная сила, что обычный человек на моем месте мгновенно покрылся бы холодным потом и сделал шаг назад.

Из тени медленно вышел человек. Высокий, под два метра. В длинном, идеальном темном пальто из тяжелой шерсти, с поднятым воротником. Темные волосы, резкие скулы, стертая кожа на костяшках пальцев и глаза… глубокие, темные, смотрящие на меня с суровым, немигающим вниманием.

Каэль.

Мы знали друг друга около пяти лет. Три года из них мы говорили каждый день — без романтики, без намёков, просто тёплая, поддерживающая дружба, на которую можно было опереться. Всё шло ровно и спокойно, пока у нас не появилось общее дело. И вот тут-то и вскрылось то, что раньше пряталось за разговорами: наши характеры оказались слишком одинаковы. Мы столкнулись, как два камня в одном русле, — и дороги разошлись.

От него пахло морозным ветром, качественным табаком и горьким ароматом сухого ириса. Никакой паники. Никакой суеты. Абсолютная, «дорого-богатая» мужская стать человека, привыкшего забирать свое без лишних слов.

— Ты опоздал, Каэль, — спокойно ответила я, сделав один медленный шаг вперед и скрестив руки на груди. — Пленка внутри будки. Но она принадлежит не твоему холдингу. Она принадлежит истории.

Каэль чуть заметно усмехнулся. В этой улыбке не было издевки. В ней было удивление и уважение человека, который впервые за долгое время встретил равного соперника.

— История не платит по счетам, — произнес он, его голос вибрировал в пространстве ангара, как низкая струна виолончели. — Холдинг платит три миллиона за то, чтобы эти бобины сгорели до восхода солнца. У тебя красивое пальто и слишком чистые руки для этого мусора. Уйди. Я не хочу ломать то, что выглядит так дорого.

Я смотрела ему прямо в глаза. Межу нами было всего четыре метра. Напряжение в ангаре натянулось так, что его можно было резать ножом.

— Попробуй сломать, — тихо, но с ледяной незыблемостью сказала я. — Посмотрим, чей якорь сделан из железа, а чей — из бумажных чеков твоей корпорации.

Каэль сделал шаг ко мне. Быстрый, бесшумный, как у хищника. В ту же секунду я сорвала с плеча скейт, крутанула его на подшипниках и заблокировала его первый жест. Искры в темноте ангара вспыхнули ярче неонового света. Это была не дешёвая драка. Это была дуэль двух физически и духовно сильных людей, где каждое движение весило тонну…

Удар. Металл об металл. Звук прошелся по полупустому ангару, как выстрел. Каэль не стал делать вторую попытку нападения. Он замер в полушаге от меня, плавно отведя руку. Его пальцы, сжимающие тяжелую стальную рукоять, были абсолютно неподвижны. В его глазах — глубоких, темных, отражающих слабый синий неон с улицы — не было ни капли злости. Была жесткая, математическая оценка.

— Хорошая реакция, Нова, — тихо произнес он. Его низкий, бархатный голос обволакивал пространство. — Но ты держишь сталь так, словно защищаешь не заказ, а личный сундук с воспоминаниями.

— Я защищаю право человека оставаться человеком даже после смерти, — ответила я, не опуская подшипниковый зажим и смотря ему прямо в переносицу. — А за что воюешь ты, Каэль? За очередной миллион на счете холдинга, которому на тебя плевать?

Он сделала полшага в сторону, медленно огибая меня по дуге, как волк огибает костер. От него веяло сухой, доминантной силой. Никакой суеты. Каждое движение выверено годами практики на грани жизни и риска.

— Холдинг платит за порядок, — сухо сказал он, поправляя воротник шерстяного пальто. — В этом городе и так слишком много шума. Если сейчас вскроется правда про мост Вэнса, акции упадут, тысячи рабочих останутся без зарплат, а город погрузится в хаос. Твоя «правда», Арбитр — это роскошь, которую большинство просто не переживет.

Вы слышите его аргумент?

Вот так всегда и работает трусость у взрослых, умных людей. Они заворачивают свой комфорт и свое желание не рисковать в красивую обертку «заботы о других». Они говорят тебе: «Мы молчим ради твоего же блага». Они сбегают, нажимая на «стоп», и уверяют, что это — мудрое решение. Но правда в том, что им просто страшно сгореть на собственном огне.

— Порядок, построенный на лжи — это не порядок, Каэль, — ледяным тоном произнесла я. — Это просто отсрочка перед катастрофой. Вэнс украл чужую жизнь. Лео умер в нищете. Если мы прямо сейчас сожжем эти бобины, чем мы будем отличаться от мелких карманников, которые воруют чужие часы на вокзале?

Каэль остановился прямо напротив меня. Расстояние между нами сократилось до полуметра. В полумраке ангара я ощущала тепло его дыхания. От него пахло морозным ветром, качественным табаком и горьким ирисом — ароматом человека, который никогда не просит прощения за то, кем является.

Он медленно протянул руку. Не для удара. Его жесткие, теплые пальцы осторожно, с неуловимой грацией коснулись края моего зажима и опустошили напряжение. Он не стал забирать у меня оружие. Он просто дал понять: он меня слышит.

— Ты не похожа ни на одного фиксера из тех, с кем я работал, — прошептал он, и в его голосе впервые прорезалась не глухая сила, а редкое, почти интимное удивление. — В тебе слишком много веса. Твоя глубина тебя сожрет.

— Не сожрет, — я не отвела взгляда, встречая его темноту своей собственной. — У меня железобетонный щит.

В этот момент со стороны акустической будки раздался сухой, еле слышный щелчок. Таймер старого сейфа, заведенного Лео сорок лет назад, дошел до нуля. Металлическая дверца тяжело отошла в сторону, обнажая заржавевшую, но целую бобину с первой аналоговой пленкой. Каэль посмотрел на сейф, затем на меня. В его руках был все рычаги. Он был сильнее физически. За его спиной была система. Но он стоял не шевелясь.

— Бери, — коротко сказал он, отступив на шаг назад и убирая руки в карманы пальто. — Это первый носитель из трех. Но запомни, Нова: на второй точке в обсерватории тебя буду ждать не я. Там будут операторы безопасников холдинга. Они не разговаривают. Они стреляют без предупреждения.

— Почему ты отпускаешь меня? — спросила я, забирая холодный металлическую бобину и убирая ее в свою кожаную сумку.

Каэль усмехнулся — сдержанно, аристократично и чуть горько:

— Не знаю, так захотел. До встречи в обсерватории, Арбитр. Мне тебя не хватало.

Он развернулся и растворился в темноте ангара так же бесшумно, как и появился. Я осталась одна. В руках была первая часть чужой замурованной правды, а внутри… внутри впервые за долгое время гудело струнное, неопасное, но обжигающее предчувствие настоящего шторма.

ГЛАВА 4: ШОРОХ СТАРОЙ ЛЕНТЫ

На следующий день в шесть утра, мое купе стояло на краю обрыва над великой рекой. Внизу, в сизом утреннем тумане, просыпался город. Неоновые огни моста постепенно гасли, уступая место холодному рассветному свету.

Я подключила портативный аналоговый бобинный проигрыватель к бортовой акустике машины. Заправила ленту. Нажала кнопку «Play». Динамики издали короткий шуршащий звук — звук времени, пробивающегося сквозь сорок лет молчания. А затем из колонок раздался голос. Глубокий, спокойный, чуть усталый голос Лео — человека, чье имя вычеркнули из истории этого города.

«*Если ты слушаешь это, значит, Маркус все-таки испугался умирать на лжи…*» — произнес голос из прошлого.

«*Запомни: вантовый мост — это не просто бетон и сталь. Это застывшая музыка. Если срезать хотя бы один дублирующий тросовый зажим на центральном пилоне ради экономии трех миллионов, мост не упадет сразу. Он простоит тридцать лет. Но во время первого же настоящего осеннего урагана с ветром выше тридцати метров в секунду ванты войдут в резонанс. Мост начнет петь. А потом он рухнет, забирая с собой всех, кто по нему едет. Маркус знал это. Но он выбрал деньги сейчас, оставив катастрофу на потом…*»

Запись оборвалась сухим щелчком.

В салоне авто наступила звенящая тишина. Я положила руки на руль. Пальцы сжались до белых костяшек. Это была не просто компрометирующая пленка. Это был смертный приговор. Ураганный сезон в регионе начинался ровно через два дня.

Маркус позвал меня не для того, чтобы «очистить совесть». Старый манипулятор знал, что мост на грани. Он хотел использовать меня, чтобы вскрыть аферу до того, как рухнет конструкция, и свалить всю вину на нынешний совет директоров холдинга. А Каэль? Каэль служил этим самым безопасникам, которые даже не подозревали, что сидят на тикающей бомбе.

Телефон на панели зажёгся. Снова зашифрованный канал. Не Вэнс. Не холдинг. Это был прямой личный номер Каэля. Я сняла трубку, не произнеся ни слова.

— Прослушала? — раздался его тихий, сдержанный голос. Я слышала на фоне шум мотора его тяжелого внедорожника.

— Прослушала, — ответила я. — Твои работодатели продают людям билеты на падающий поезд, Каэль. Вторая пленка в обсерватории на Черной сопке. И если ты не дурак — ты приедешь туда не с оружием, а с холодной головой.

— Я уже на подходе к сопке, Нова, — ответил он, и в его голосе я услышала ту самую режущую жесткость, которая бывает только у мужчин, осознавших, что их использовали вслепую. — Силовики холдинга перекрыли подъем. Они думают, что я еду уничтожать пленку. Но у меня появились к ним свои вопросы.

— Жди меня, Каэль. И не смей умирать до того, как мы допьем наш кофе.

— Я жду.

Я выжала педаль газа. Черное купе сорвалось с места, оставляя на мокром асфальте черные полосы жженой резины. Мы шли на второй раунд. И этот раунд обещал сжечь все мосты дотла.

Серпантин, ведущий к старой обсерватории на Черной сопке, вился среди вековых сосен, как темная влажная лента. Утренний туман здесь был настолько плотным, что фары моего купе пробивали его едва на пару метров вперед.

Слышите эту тишину перед взрывом? Это не тот покой, к которому стремятся слабые. Это тишина. Когда каждое чувство обострено до предела, а пульс стучит в висках с ритмом тяжелого баса.

Я знала, что на вершине меня ждет не просто старый купол телескопа. Там меня ждала засада. Я выжала сцепление, плавно заходя в очередной крутой поворот. В зеркале заднего вида мгновенно вспыхнули два жестких слепящих луча. Тяжелый бронированный внедорожник безопасности холдинга шёл прямо за мной, не соблюдая дистанцию. Они не собирались зачитывать мне права. Они пришли зачищать концы.

Внезапно сбоку, с лесного примыкания, с оглушительным ревом выскочил второй автомобиль. Знакомый черный корпус, низкий рокот пятилитрового мотора. Внедорожник Каэля. Он срезал угол на мокрой гравийной обочине, с сухим треском впечатался в бок преследователя и вытолкнул его с трассы прямо в сосновый кювет.

Вспышка, скрежет металла, треск ломающихся веток. И снова тишина. Я затормозила на пятачке перед полуразрушенным каменным зданием обсерватории. Каэль уже выпрыгнул из машины. Движения — быстрые, собранные, хищные. Его длинное темное пальто было распахнуто, в руке — короткий зажим для блокировки электронных замков. На левом плече, прямо на плотной ткани, темнело свежее мокрое пятно. Кровь. Скользящее касание от разбитого стекла или рикошета.

— Ты опоздала на тридцать секунд, Арбитр, — хрипло произнес он, подбегая к моему купе и упираясь ладонями в открытое окно.

От него веяло пороховым дымом, морозным ветром и той самой дикой, несгибаемой мужской силой.

— Дала тебе возможность проявить героизм, — ответила я, выходя из машины и мгновенно фиксируя взглядом его раненное плечо.

— Ты ранен, Каэль!

— Поцарапали, — отмахнулся он, даже не взглянув на плечо.

Его темные, почти черные глаза въелись в мое лицо с невыносимой, сканирующей глубиной.

— Внутри обсерватории еще двое. Оперативники второго звена. Сейф с второй бобиной в центральном зале под куполом. Идем вместе, или будешь продолжать играть в гордую одиночку?

— Со спины меня еще никто не прикрывал, — тихо сказав я, доставая из сумки тяжелый аналоговый глушитель частот. — Не разочаруй меня, Капитан.

Каэль чуть заметно улыбнулся — дерзко, порочно, углом губ:

— Всю жизнь мечтал оправдать твои ожидания.

Мы ворвались в здание обсерватории через боковой технический вход. Внутри пахло сыростью, старой оптикой и золой. В центральном зале, прямо под полураскрытым стальным куполом, через который пробивался холодный рассветный свет, стоял массивный чугунный сейф 1960-х годов. Двое операторов безопасности холдинга в черном экипе не успели даже поднять оружие. Каэль сработал как профессиональный ликвидатор: два точных, коротких движения, жесткий залом, и оба безопасника отлетели в противоположные углы зала, потеряв сознание. Никакой лишней жестокости. Чистая, идеальная механика силы.

Но один из них успел зацепить Каэля боковым ударом прямо по поврежденному плечу. Каэль глухо рыкнул, на секунду осев на одно колено. Кровь на его пальто стала ярче.

Я в два шага оказалась подле него. Опустилась на колени прямо на холодный каменный пол, перехватила его за здоровое плечо. Наш взгляд встретился. Расстояние между нашими лицами — считанные сантиметры. Я слышала его рваное, тяжелое дыхание, ощущала жар, исходящий от его тела.

— Поднимись, — шепотом приказала я. — Ты мне нужен живым. Каэль медленно поднял руку. Его жесткие, горячие пальцы со следами сажи и пороха легли мне на затылок, пальцы запутались в моих волосах. Жест был настолько глубоким, властным и нежным одновременно, что у меня прервался вдох.

— Ты слишком красива, когда отдаешь приказы, Нова, — тихо, с вибрацией в самом низу голоса произнес он. — Я заберу эту пленку. Но потом мы уедем отсюда. Только ты и я.

Он поднялся, увлекая меня за собой. Через три минуты замок сейфа был вскрыт. Вторая аналоговая бобина с расчетами Лео легла в мою сумку. За окнами обсерватории раздался нарастающий гул — к сопке подтягивались основные силы холдинга. Мы были отрезаны от основного выезда.

— К купе! — крикнул Каэль, увлекая меня за руку к заднему выходу. — Мой внедорожник сбит. Уходим на твоей машине по старому лесному просеку.

— По просеку, — ответила я, вжимая педаль газа моего купе в пол. — Там их тяжелые машины не пройдут.

ГЛАВА 5: ИСКРА В ТЕМНОТЕ

Мы оторвались от погони через пять километров дикого лесного серпантина. Купе шло на пределе возможностей, выбивая из-под колес фонтаны мокрой земли и хвои. Когда гул чужих моторов окончательно утонул в густоте соснового бора, я заглушила двигатель в глубокой овражной заимке у самого берега реки.

Буря за окном крепла с каждой минутой. Ливень барабанил по крыше автомобиля с неистовой частотой, и мир за запотевшими стёклами превращался в мутные, расплывчатые кляксы. В салоне же воцарилась та самая плотная, давящая, пронизанная напряжением тишина, где различимы лишь два дыхания.

Пахло горячим металлом мотора, озоном, мокрой шерстью его пальто и горьким ароматом сухого ириса. Каэль откинулся на пассажирское сиденье, прикрыв глаза. Его плечо продолжало кровоточить, пропитывая белую ткань рубашки под распахнутым пальто.

— Раздевайся, — сухо сказала я, доставая из бардачка аптечку и антисептик.

Каэль открыл глаза. В них полыхнул темный, порочный огонь. Он не стал спорить. Медленно, не сводя с меня немигающего взгляда, он сбросил тяжелое пальто на заднее сиденье и расстегнул верхние пуговицы рубашки, обнажая широкую, мускулистую грудь и рельефное плечо со рваной ссадиной.

Замкнутое пространство машины, шум ливня за окном, теплый полумрак и два родных человека, которые не виделись несколько лет, чья внутренняя броня только что дала окончательную трещину.

Я подвинулась ближе. Перелезла через центральную консоль, оказавшись на его коленях. Мое короткое платье задралось выше бедер, кожаный салон приятно холодил ноги, но тело Каэля под со мной было обжигающе горячим.

Я смочила марлю антисептиком и прижала к его ране. Каэль даже не поморщился.

Лишь его пальцы — широкие, сильные, горячие медленно ложились мне на талию, впиваясь в ткань платья с такой силой, словно он пытался зафиксировать меня в этом моменте навсегда.

— Больнее сделаешь? — тихим, с хрипотой голосом спросил он, подаваясь чуть вперед.

Его дыхание обжигало мои губы.

— Я всегда делаю больно тем, кто пытается играть со мной в недоступность, — прошептала я в ответ, обрабатывая край раны.

— Ты сумасшедшая, Нова, — прохрипел он.

Его ладонь соскользнула с моей талии ниже, на бедро, сжимая плотную кожу с дикой, неопровержимой властью.

— Ты заставила мой компас сгореть.

— Тогда не смей менять курс, — ответила я.

Он больше не мог себя сдерживать. Его вторая ладонь схватила меня за шею, и его губы накрыли мои. С жадностью, грубостью, с той жаждой, что бывает у человека, который слишком долго существовал на призрачных правилах. Это оказалось не простым касанием губ. Это было как первый выстрел из всего арсенала. Во рту остался привкус металла, мокрого асфальта, горечи и той редкой волны, которую невозможно купить.

Я впилась ногтями в его здоровое плечо, выгибаясь ему навстречу на этом узком сиденье. Запотевшие стекла машины скрыли нас от всего мира. Остались только мы. Две тяжелые души в эпицентре нашего собственного, первого настоящего шторма…

ГЛАВА 6: УБЕЖИЩЕ НА КРАЮ ОБРЫВА

Убежище Каэля располагалось на самом краю гранитной скалы. Там, где великая река делала крутой поворот, уходя в туманные лесные массивы.

Строгий дом из темно-серого бетона и панорамного стекла, почти незаметный среди сосен и дикого камня. Снаружи ревел шторм. Ливень сплошной стеной сек стеклянные фасады, но внутри царила абсолютно сухая, глубокая тишина. Пахло сосновыми дровами из камина, нагретым гранитом, старой кожей и сухой лавандой, которую Каэль, как оказалось, тоже держал в своем доме. Деталь, которая обжигала сильнее любого слова.

Вы тоже чувствуете это вместе со мной? Когда за окном рушится мир, а внутри двое сильных людей снимают свои тяжелые, промокшие доспехи. В этой тишине не было места фальшивым прелюдиям. Мы оба знали цену каждому шагу.

Каэль сидел на краю низкого дивана из темной кожи. Его рубашка была сброшена, на плече белела чистая повязка, которую я только что наложила. На его мускулистой груди и прессе при тусклом свете камина преломлялись тени от бликов дождя на стекле. В нем не было ни грамма суеты. Только мощная, сдержанная, первобытная сила.

Я стояла напротив, у панорамного окна. На мне была только его черная шелковая рубашка, наброшенная на голое тело. Длинная, закрывающая бедра, пахнущая его парфюмом — морозным ветром и горьким ирисом.

— Ты смотришь на реку так, словно собираешься уплыть на первой же барже, Нова, — тихо произнес он.

Его низкий, с хрипотой голос заставил меня обернуться.

— Мне безумно нравится этот вид, в нем что-то есть, — ответила я, делая медленный шаг к нему.

— А здесь, кажется, начинается глубина. Каэль поднялся. В два шага он сократил расстояние между нами, его широкие, горячие ладони легли мне на талию, притягивая к себе так плотно, что я ощутила каждый жесткий изгиб его тела. Его темные глаза горели тем самым неопровержимым, порочным огнем, который не оставляет шансов на отступление.

— Ты сжигаешь все мои правила, Нова, — прошептал он мне прямо в губы. Его пальцы сжались на моей талии, приподнимая меня и усаживая на край тяжелого дубового стола.

— Я всю жизнь работал в одиночку. Без привязанностей. Без слабины. А сейчас я готов сжечь весь этот холдинг к чертям, если они сделают хотя бы шаг в твою сторону.

— Не жги холдинг, Каэль, — прошептала я в ответ, запуская пальцы в его густые темные волосы и притягивая его к себе. — Сожги лучше мою последнюю броню.

И он сжег.

Это была не нежная романтическая сцена из дешёвых романов. Это был дикий, глубокий, физиологически осязаемый шторм двух тяжелых душ. Его губы жадно, властно накрыли мои. Его ладони скользнули под шелк рубашки, поглаживая мою горячую, влажную от волнения кожу, очерчивая изгиб бедер, талии, поднимаясь к груди.

Я выгнулась ему навстречу, впиваясь ногтями в его широкую спину. Каждое его прикосновение было печатью. Каждое движение — заявлением прав на мое тело и мою тишину. Он входил в меня медленно, скользяще, до самого основания, заставляя меня забыть, как дышать, и шептать его имя в полумраке этой комнаты.

Дневной свет за стеклами давно угас, уступая место ночным сполохам молний. Мы сгорали и собирались заново на этом столе, на широком ковре у камина, на кожаном диване. Мы любили друг друга так, словно этот шторм за окном был последним в истории Земли. Без единого слова обманом. Без единого «сложно и невозможно». Только чистая, огненная, безупречная частота на двоих.

Утро пришло тихо. Дождь за окном превратился в мелкую, сизую водяную пыль, окутавшую скалу и реку плотным саваном.

Я проснулась от чувства абсолютной безопасности. Каэль лежал рядом, его тяжелая, теплая рука лежала у меня на талии, притягивая мое спину к его груди. Я слышала его мерное, глубокое дыхание.

Впервые за многие годы внутри меня царил не зажатый в кулак контроль, а тот самый великий, дорогой Покой.

Я чуть повернула голову. Каэль уже не спал. Его темные глаза смотрели на меня с такой нежностью и сосредоточенной силой, от которой у меня по телу пробежала волна мурашек.

— Доброе утро, частичка, — прошептал он, касаясь губами моего плеча.

— Доброе утро, моя душа, — ответила я, накрывая его ладонь своей.

Мы пролежали в этой тишине еще полчаса, смакуя каждую секунду нашего общего утра. А затем наступило время действовать.

На дубовом столе у камина стоял проигрыватель. Я заправила вторую бобину, принесенную с Черной сопки. Каэль подошел со спины, набросив мне на плечи свой тяжелый шерстяной плед, и встал рядом, положив подбородок мне на макушку. Лента зашуршала.

Голос Лео снова зазвучал в комнате — на этот раз более сухой и жесткий.

«Если вы слушаете вторую запись, значит, вы прошли первую точку. Вторая часть правды проста: проект вантового моста был сфальсифицирован не Маркусом Вэнсом в одиночку. В 1992 году совет директоров холдинга — тех самых людей, что сидят там и сегодня — в полном составе подписал протокол о приемке аварийных узлов. Они знали, что трос №4 на центральном пилоне имеет микротрещины. Но они застраховали мост на двести миллионов долларов в швейцарском фонде. Если мост рухнет от урагана — они не просто не потеряют деньги. Они получат грандиозную выплату и спишут всё на форс-мажор…»

Каэль рядом со мной замер. Я почувствовала, как мышцы на его руках мгновенно натянулись, как стальные канаты.

— Они знали, — ледяным тоном произнес он. — Мое руководство знало, что закладывает катастрофу под весь город.

— А где третья пленка, Лео? — тихим шепотом спросила я проигрыватель, словно надеясь, что умерший инженер услышит меня через сорок лет.

И Лео ответил с ленты:

«Третья бобина с оригиналами подписей Маркуса и совета директоров спрятана не в сейфе. Она вмонтирована в технический бокс контрольного узла на самом центральном пилоне моста. На высоте ста сорока метров. Настроечный узел №4. Снять ее можно только вручную. И только во время шторма, когда откроется технический шлюз…»

Запись закончилась.

Ураган, по прогнозам гидрометцентра, входил в город через шесть часов. Третья пленка висела на высоте ста сорока метров над рекой, в эпицентре будущего резонанса. Взять её означало подняться на мокрые, вибрирующие ванты под порывами ветра тридцать метров в секунду.

Каэль посмотрел на меня. В его взгляде не было ни капли сомнения.

— Ты не пойдешь туда одна, Нова, — твердо сказал он. — Подъем на пилон — это моя работа. Я знаю конструкции этого моста лучше, чем те, кто его строил.

— Нас будут ждать там, Каэль. Безопасники холдинга поймут, куда мы идем, как только начнется шторм.

Каэль усмехнулся — той самой дерзкой, опасной улыбкой, от которой у меня замирало сердце.

— Пусть ждут. Мы идем закрывать этот счет до конца.

Ураган накрыл мегаполис на два часа раньше прогноза. Шквальный ветер скоростью тридцать два метра в секунду рвал кроны сосен на побережье, гоня по тяжелой свинцовой реке высоки волны с белыми гребнями пены.

Вантовый мост, подсвеченный сквозь туман тревожными желтыми огнями аварийной сигнализации, гудел. Этот гул был не похож ни на один звук на земле: стальные тросы диаметром в человеческую руку натягивались, как струны гигантской виолончели, и издавали низкий, вибрирующий инфразвуковой гул.

Мост начал «петь» — ровно так, как предсказывал Лео сорок лет назад. Слышишь этот гул? Это не просто ветер в металле. Это звук рушащейся фальши. Городские службы уже перекрыли въезды на мост с обоих берегов, но на самом центральном пилоне — на высоте ста сорока метров — висел технический контейнер контрольного узла №4.

Там лежал третий, последний носитель истины. Мое черное купе стояло под технической эстакадой у подножия правого пилона. В салоне пахло теплым кофе, дождем и порохом.

Каэль застегивал страховочную систему поверх своего тяжелого альпинистского комбинезона. На его лице не было ни капли тени. Абсолютный, стальной Покой человека, идущего в эпицентр стихии.

— Входной технический шлюз открывается автоматикой только при аварийном резонансе вант, — прохрипел он, проверяя зажимы и подшипниковые карабины. — У меня будет ровно двенадцать минут, чтобы подняться по внутренней лестнице пилона, выйти на внешнюю техническую площадку, вскрыть бокс №4 и забрать третью бобину.

Я перехватила его руку — жесткие, теплые пальцы в прочных перчатках. Посмотрела ему прямо в глаза.

— Я остаюсь на нижней консоли управления. Подключусь к аналоговой линии рации. Если шторм попытается сбить тебя с ног — держись за меня. Переживаю за тебя.

Каэль чуть подался вперед, запечатав наше обещание коротким, обжигающим поцелуем прямо в губы.

В этом поцелуе был вкус соли и нерушимой верности.

— Жди меня снизу, дорогая моя Нова. Мы выходим из этой драмы победителями.

Он шагнул из машины прямо в ревущую бездну урагана и исчез в дверях технического подъема пилона.

Я осталась сидеть за пультом нижней консоли в закрытом бункере электрощитовой моста. Передо мной горели зеленые и красные индикаторы натяжения вант. На экране осциллографа кривая вибрации билась в безумном, рваном ритме.

Динамик рации зашуршал, пробиваясь сквозь помехи ветра.

— Дошел до первой площадки, — раздался хриплый, спокойный голос Каэля. — Высота восемьдесят метров. Конструкции вибрируют. Амплитуда раскачки пилона — полметра. Лео был гением, Нова. Тросы действительно на грани предела текучести металла.

— Контролируй зацепы, Каэль, — ответила я в гарнитуру, не сводя глаз с показателей нагрузки. — Ветер усиливается до тридцати пяти метров. На сотне метров будет шквал.

— Я вижу небо, дорогая. Оно здесь абсолютно черное, — ответил он. — Начинаю подъем по внешнему траверсу к боксу №4.

И в этот момент индикаторы на моем пульте мигнули краснотой. Наверху, на смотровой площадке сто тридцатого метра, прорезался сторонний радиосигнал. Безопасники холдинга. Они не стали ждать у подножия. Главный начальник безопасности холдинга — человек по имени Вальтер, привыкший решать вопросы заливкой бетона — поднялся на вершину пилона на служебном подъемнике с противоположной стороны.

У них было оружие и приказ уничтожить бокс вместе с любым, кто к нему прикоснется.

— Каэль! — крикнула я в рацию. — Наверху Вальтер. Слева от тебя, на выходе из вентиляционной шахты. Они блокируют зажим!

— Понял тебя, Нова, — раздался ровный голос Каэля сквозь рев ветра.

— Не дергайся. Я принял бой.

На высоте ста сорока метров, на узком стальном мостике шириной в восемьдесят сантиметров, обдуваемом ураганным ледяным ветром над кипящей черной рекой, начался последний акт этой трагедии.

Вальтер и двое его оперативников стояли у дверцы бокса №4. В руках Вальтера был массивный гидравлический резак — они собирались срезать бокс и сбросить его в реку вместе со всеми оригиналами документов и пленок.

— Ты продался девчонке, Каэль! — проорал Вальтер сквозь грохот вант. — Холдинг давал тебе всё! Деньги, статус, любую безопасность! А ты выбрал мусор из прошлого!

Каэль сделал шаг по мокрому, обледеневшему настилу мостика. На его лице проявилась та самая ледяная, весомая улыбка человека, который больше никогда не наденет чужую ошейник.

— Вы продали этот город за тридцать сребреников швейцарской страховки, Вальтер, — громко, жестко произнес Каэль, его голос перекрыл рев урагана. — Но ваша касса закрыта. Вексель предъявлен к оплате.

Каэль рванул вперед. На узком мостике, где один неверный шаг означал падение в ледяную бездну с высоты сорока этажей, завязалась схватка. Быстрая, жесткая, беспощадная. Первого оперативника Каэль выбил коротким ударом зажима в корпус, отправив того в технический уловитель сетки. Второй попытался достать гидравлику, но Каэль перехватил его руку, заломил сустав и швырнул резак прямо в распределительный щит моста.

Вспыхнул сноп гигантских синих искр. Аварийное освещение пилона погасло, оставив вершину моста в полумраке, освещаемом только вспышками молний. Вальтер рванул на себя дверцу бокса, выхватил третью бобину и занес руку, чтобы сбросить ее за борт мостика, в ревущую внизу реку.

— Нет! — выдохнула я в бункере снизу, сжимая микрофон рации.

Но Каэль успел.

В сумасшедшем прыжке на скользком металле он сбил Вальтера с ног. Они оба рухнули на настил у самого края бездны. Металлическая бобина выскользнула из рук Вальтера и покатилась по краю мостика, зависнув над сто пятидесятиметровым обрывом и содрогаясь от каждого удара ветра…

Сто пятьдесят метров ураганной бездны под ней и ревущая река, готовая поглотить последнюю улику.

Вальтер, тяжело дыша на обледеневшем металле, рванулся к пленке рукой. В его глазах был животный страх перед падением империи. Каэль сработал мгновенно. Без тени сомнения, без суеты.

Он не стал бить Вальтера — он просто сделал точный, выверенный выпад вперед, впившись пальцами правого ботинка в решетку заграждения. Его тяжелая, сильная ладонь накрыла бобину за сотую долю секунды до того, как ветер сорвал её в пропасть.

Есть! Третий носитель был в его руке!

Вальтер попытался подняться, но Каэль перехватил его за воротник бронежилета, одним мощным рывком прижав к стальной опоре пилона. Моросящий дождь и сноп редких молний освещали лицо Каэля — ледяное, спокойное, незыблемое, как гранитные скалы на побережье.

— Игра окончена, Вальтер, — громко, с непререкаемой силой произнес Каэль прямо в лицо разбитому начальнику безопасности. — Ты можешь спуститься вниз сам, пока мостик не обледенел окончательно. Или останешься здесь ждать спасателей, которые приедут расследовать вашу аферу со страховкой.

Вальтер обмяк.

Сила трусливых людей всегда заканчивается там, где они встречают человека, которого невозможно купить или запугать.

Каэль убрал бобину в прочный защитный кейс за спиной, застегнул карабин и переключил рацию:

— Нова. Носитель у меня. Начинаю спуск к нижней эстакаде.

В ту же секунду я почувствовал облегчение. В бункере снизу, на фоне гудящих датчиков и затихающего осциллографа, у меня на секунду перехватило дыхание. Я сжала гарнитуру рации и тихо ответила:

— Жду тебя у купе.

Через пятнадцать минут мы стояли у моей машины под защитным навесом технической станции.

Каэль был мокрым до нитки, пропитанным ветром и озоном, но его глаза горели таким нерушимым, победным огнем, от которого у меня слабели колени. Мы соединили все три аналоговые носителя — записи Лео, подлинные протоколы приемки 1992 года и финансовые документы.

Я нажала главную тумблер-кнопку и мы прослушали запись:

«Я — Лео, главный инженер моста. И сегодня я возвращаю этому городу его истину…»

Дальше звучали факты. Номера счетов, подписи Маркуса Вэнса, фамилии членов совета директоров холдинга и схемы их страховой аферы на двести миллионов. Карточный домик, выстраиваемый лжецами сорок лет, рухнул за три минуты.

Ты ведь тоже думал в тот момент, дорогой мой читатель, что победа уже в нашей сумке? Ты ведь ждал, что мы просто нажмем тумблер и сожжем этот фальшивый город очищающим огнем правды? Не спеши.

В жизни драма никогда не заканчивается там, где падают враги. Самая страшная драма начинается тогда, когда за одним столом садятся двое сильных людей, и оказывается, что они смотрят на будущее под абсолютно разными углами.

Мы вернулись домой. Каэль стоял у панорамного окна мансарды. Его длинное темное пальто сохло у камина, на нем была только белая тонкая рубашка с раскатанными рукавами. На его предплечьях вздувались вены, в глазах отражались сполохи угасающего шторма.

— Мы не будем выливать все три бобины в прямой эфир, Нова, — тихо, но с железным подтоном произнес он.

Его голос вибрировал низким, бархатным басом, в котором больше не было шутливости. Я замерла у аналогового пульта с кабелем в руках. Медленно повернула голову.

— Что ты сказал, Каэль?

— Я сказал, что прямой слив — это глупость, — он повернулся ко мне, сжимая стакан с ромом.

В его взгляде прорезалась не та нежность, с которой он обнимал меня в лесу, а холодный, расчетливый прагматизм человека, привыкшего управлять большими системами.

— Если мы отдадим пленки прессе, пресса устроит панику на два дня. Члены совета директоров откупятся адвокатами. Акции рухнут, а мост просто закроют на утилизацию. Никто не понесет реального наказания.

— А каков твой план? — я прищурилась, чувствуя, как на нашей «чистой частоте» появился первый тонкий, режущий уши фон.

— Мы используем эти пленки как рычаг, — Каэль сделал шаг ко мне, его тень накрыла дубовый стол. — Я выхожу на акционеров холдинга с позиции силы. Мы заставляем их передать полный контроль над мостом и техническими активами новой структуре. Я беру руководство на себя. Мы меняем трос №4 за три дня, меняем совет директоров и строим чистую компанию. Без скандала. Без руин. Сохраняя власть и ресурсы.

Я смотрела на него и не верила своим ушам.

— Ты предлагаешь торг, Каэль? — мой голос опустился до ледяного шепота. — Ты предлагаешь сесть за один стол с людьми, которые полчаса назад пытались сбросить тебя с высоты сорока этажей, и договориться с ними о «доле»?

— Я предлагаю победу, Нова! — резко ответил он, сделав шаг вплоть до меня и перехватив мои запястья.

Его хватка была горячей, сильной, почти болезненной.

— Не детскую романтику со сжиганием мостов, а реальную победу! Взрослый мир работает через компромиссы и рычаги. Ты хочешь просто выкрикнуть правду и остаться ни с чем в своей подвальной лаборатории? Или ты хочешь стоять рядом со мной на вершине этой системы и менять ее изнутри?

Посмотрите на этот выбор. Вот так и искушают сильных людей. Им не предлагают дешёвую взятку. Им предлагают *масштаб.* Им говорят: «Будь умнее, не будь фанатиком, иди на компромисс ради большой цели». Но я знала одно:

> К*ак только ты садишься торговаться с дьяволом, твой якорь превращается в труху*.

ГЛАВА 7: АНАЛОГОВЫЕ НОЧИ И ТРЕЩИНА В СТАЛИ

Мы не ссорились. Наши сильные характеры и глубокий внутренний мир были схожи, и такие люди не кричат и не разбивают тарелки. Вместо этого они погружаются в беспокойное молчание, оставаясь наедине с собой.

Следующие трое суток наша мансарда превратилась в штаб-квартиру наэлектризованной страсти и скрытой войны концепций. Мы жили вместе, на одном пятачке пространства. И это была самая безумная, самая дикая физическая и ментальная дуэль в моей жизни.

По ночам, когда дождь тихо стучал по наклонным окнам крыши, мы сгорали в объятиях друг друга. Каэль брал меня с такой жадностью и властью, словно пытался через прикосновения, через мышечное трение доказать мне свою правоту. Показать, что он — мой единственный Капитан, и я должна доверить ему штурвал.

Я выгибалась под ним, впивалась ногтями в его широкую спину, стонала ему в губы, задыхаясь от его обжигающего жара. Мое тело предавало мои опасения — с ним я ощущала себя на вершине физического блаженства. Он был безупречным любовником, сильным, чутким, ненасытным.

Но как только наступало утро и мы садились за дубовый стол к чертежам и рациям — между нами снова вставала стена.

— Ты упряма, Нова, — говорил он, перебирая пальцами мои волосы, пока я рассматривала техническую карту транслятора. — Ты цепляешься за идеалы, которых не существует в реальном мире.

— А ты думаешь, что управляешь решением. Но на самом деле системы всегда перемалывают тех, кто пытается с ними договориться!

На четвертый день Каэлю пришел закрытый видео вызов. Звонок от Вальтера и представителя мирового акционерного пула.

Я стояла в тени дверного проема и видела его профиль в свете экрана. Они предложили ему условия. Не просто работу. Ему предложили пост генерального директора обновленного холдинга, пакет акций на тридцать миллионов и… условия «полной санации» архива Лео. Чтобы пленки были переданы в сейф совета и никогда не увидели света.

Я смотрела, как темнеют глаза Каэля. Видела, как в его уме идет страшный, молчаливый подсчет. Он не сказал им «нет». Он сказал: «Мне нужно двенадцать часов на подготовку протокола передачи».

В этот момент внутри меня что-то тихо и безвозвратно обвалилось. Не со злом. Не с дикой истерикой. А с той самой свинцовой тяжестью, которая приходить, когда ты понимаешь: человек, которого ты наделяла статусом Гиганта, перед самым главным выбором решил сыграть в обычного прагматика.

Каэль повернулся ко мне. В его взгляде стояла тяжелая, виноватая броня.

— Дорогая моя Нова, выслушай меня… — начал он, сделав шаг в мою сторону.

— Не надо, — тихо сказала я, подбирая с диска свой зажим и убирая бобины в свою сумку. — Все слова уже сказаны.

Самая изощренная пытка — это когда мужчина то топит тебя в океане нежности, называя частью своей души, то замерзает в ледяной отстраненности. И ты не знаешь, что убьет тебя раньше: его всепоглощающая любовь или его прагматичный холод.

ГЛАВА 8: КАЧЕЛИ НА КРАЮ БЕЗДНЫ

Вы знаете, что такое эмоциональные качели?

Это когда тебя сперва возносят на триста метров вверх, открывая перед тобой захватывающий вид на усыпанное звёздами небо, дают вдохнуть свежий, почти стерильный воздух, а затем, внезапно, обрезают канат и наблюдают, как ты падаешь в густую, сухую мглу.

От эйфории и воодушевления до глубокой апатии и отчаяния.

И самое страшное — ты продолжаешь возвращаться на эту вышку. Потому что без этого воздуха ты больше не умеешь жить.

Каэль был мастером этой игры. Он не делал это из мести. Он делал это так, словно сам сгорал в собственном внутреннем расколе.

Утром, после своего разговора с акционерами холдинга, он был ледяной стеной. Холодный, чужой, застегнутый на все пуговицы своего строгой шерстяного пальто. Он отвечал односложно, смотрел сквозь меня и вел закрытые переговоры по зашифрованному каналу, словно меня не существовало в этой комнате.

Внутри меня все сжималось в тугой, ледяной узел. Моя гордость требовала развернуться и уйти, сжечь бобины прямо сейчас. А к ночи… к ночи он ломал этот лед с такой сумасшедшей, неистовой страстью, что у меня перехватывало дыхание.

Он увез меня на дальнюю смотровую площадку старого радиомаяка на гранитном утесе. За окном шел тихий, крупный осенний снег, смешанный с дождем. В салоне его тяжелого внедорожника пахло кожей, морозным озоном и сухим ирисом.

Каэль глушил мотор. В полной темноте он разворачивался ко мне, подтягивал за талию к себе на колени, впиваясь пальцами в мои бедра с такой дикой нежностью, словно просил прощения за каждую секунду своего дневного холода.

— Ты не просто женщина для меня, Нова, — прошептал он, и его глубокий, бархатный голос вибрировал в самой моей груди.

Его горячие губы касались моей шеи, ключиц, поднимаясь к приоткрытым губам.

— Ты — не случайный пассажир. Ты — частичка меня. Понимаешь? Часть моей души, которую я искал тридцать лет по этим гнилым портам и фальшивым кабинетам.

Я задыхалась в его руках. Мои ладони судорожно сжимали его плечи сквозь тонкую ткань рубашки.

— Если я твоя часть, Каэль… почему ты днем торгуешься за эту часть с теми, кто нас предал? — выдохнула я ему в губы.

Он замер. Его темные глаза в полумраке салона горели отчаянным, всепоглощающим пламенем. Он бережно, почти трепетно взял мое лицо в свои огромные горячие ладони, заставляя смотреть прямо в его разорванную душу.

— Потому что я хочу защитить эту часть! — громко, с болью вырвалось у него. — Я не хочу, чтобы тебя растоптали, Нова! Если мы выльем архив без козырей, нас уничтожат за сутки. Я строю нам бронетранспортер, а ты думаешь, что я продаюсь! Мы с тобой — один организм. Твоя частота — это мой единственный ориентир. Я не дам тебе сгореть!

Как же красиво мужчина умеет оправдывать свой компромисс. Он искренне верил в то, что говорил. В этом и заключается главная ловушка: он не играл роль. Он действительно любил меня в те минуты всей своей сущностью. И в эту ночь я снова сдалась. Позволила ему унести меня на вершины этого безумного, обжигающего чувства…

Мы вернулись в дом. Огонь в камине мансарды догорал, оставляя на стенах рубиновые отблески. Мы лежали на широком ковре, укрытые его пледом.

Моя голова покоилась на его груди, я слышала тяжелый, мерный стук его сердца. Это была ночь, когда все маски были сброшены. Ночь абсолютной, обнаженной искренности.

Каэль медленно перебирал мои волосы. Его пальцы касались моей кожи с такой бережностью, словно я была сделана из самого хрупкого драгоценного хрусталя.

— Я никогда никого не любил, Нова, — тихо, очень доверительно произнес он в тишину комнаты. — В моем мире любовь считалась слабостью. Смертельным диагнозом. А с тобой я впервые понял, что такое настоящий Покой. Мне хорошо с тобой.

Я приподнялась на локте, смотря в его суровое, благородное лицо, освещенное сполохами угасающих углей.

— Ты любишь меня? — спросила я, и мой голос впервые за эти дни прозвучал без защитной брони. Прозрачно. Честно.

Каэль притянул меня к себе, накрыв мои губы долгим, глубоким поцелуем, от которого по телу разлилась горячая волна.

— Я люблю тебя, Нова. До безумия. До судороги в груди, — прошептал он, глядя мне прямо в глаза. — Ты мое единственное настоящее золото. Если бы мне пришлось выбирать между всей этой чертовой империей и тобой… я выберу тебя. Помни это. Навечно.

И в этот момент моя последняя крепость рухнула.

— Я тоже люблю тебя, Каэль, — произнесла я, отдавая ему свое сердце целиком, без остатка. — Я люблю тебя по-настоящему. На чистой частоте.

В этот момент я ощущала великое счастье в душе. Счастье, которое не найти больше ни в чем. И искренне считала, что оно останется со мной навечно и будем являться моим покоем.

Мир вокруг словно замер, прислушиваясь к биению моего сердца, которое теперь вторило ритму самой вечности.

Мы запечатали эту клятву нежной, неистовой страстью. Мы занимались любовью до самого рассвета, отдавая друг другу каждую капельку нежности, каждую искру нашего тепла. Мы были двумя половинками одного целого, нашедшими друг друга в огромном, холодном мире.

А на утро… на утро настал день передачи архива.

Когда я проснулась в восемь утра, Каэля не было рядом! На подушке не было даже вмятины. На дубовом столе, где еще вчера стояла моя кожаная сумка с тремя аналоговыми бобинами Лео… была пустая гладкая поверхность. Сумки не было. Пленок не было. На столе лежал только короткий прямоугольный конверт с печатью акционеров холдинга и маленькая записка, написанная его четким, мужским почерком:

«Нова. Прости. Я забираю архив на сделку. Я делаю это ради нас. Конверт — твой билет в новую жизнь за границей. Не ищи меня. Покоя тебе, моя частичка. Но знай, я люблю тебя! И ты сохрани это чувство».

Я стояла посреди холодной, пустой комнаты в его шелковой рубашке. В руках был этот чертов конверт. Наш поцелуй еще горел на моих губах. Его клятва в любви еще вибрировала в воздухе. И в этой звенящей, вымораживающей тишине я поняла: он не врал, когда признавался в любви. Он действительно любил меня. Но его трусость и его жажда контроля оказались сильнее. Он забрал архив и сбежал на сделку, выбрав удобный компромисс вместо нашей правды…

Прямо сейчас остановись и прочувствуй эту секунду вместе со мной. Возьми в руки этот конверт, который он оставил на столе. Посмотри на ровный строгий почерк. Прочти эти слова: «Я забираю архив ради нас… Прости». Холодной детокс души.

Худшая боль — это не когда тебя предают враги. Худшая боль — это когда человек, которому ты отдала свое сердце, шептавший «ты частичка меня», аккуратно складывает твои чувства в конверт и уходит за утренним туманом.

Вы ведь тоже знаете этот вкус, правда? Этот мерзкий, липкий, тошнотворный вкус чужого самооправдания.

Когда мужчина трусит, когда он продает твою веру и твою нежность за свой удобный компромисс, но пытается завернуть это в формулировку «я делаю это ради твоего же блага». Какое ничтожество. Какое дешевое, незрелое, трусливое ничтожество.

Первые десять минут в комнате стоит такая тишина, что ты слышишь, как в твоих жилах застывает кровь. Твое тело помнит его руки. Твои губы еще горят от его клятвы «я люблю тебя». А мозг уже считывает сухой факт: сумки нет. Пленок нет. Тебя оставили в дураках, перешагнули и пошли договариваться с теми, от кого еще вчера его якобы тошнило.

Рука сама тянется к телефону. Мозг шепчет: «Напиши ему. Спроси, как он мог. Спроси, почему после всех этих ночей, после слов „ты частичка меня“, он просто сбежал»?

И вот здесь, наступает главный момент твоей жизни. Если ты в этот момент нажмешь «отправить», если ты прибежишь к нему со своими «почему?», с упреками или слезами — ты подаришь ему самое дорогое: его собственное право чувствовать себя роковым героем.

Он вздохнет, поставит на твоем сообщении «прочитано» и скажет себе: «Но я же предупреждал, что все сложно».

Я бросила этот чертов конверт в камин. Бумага вспыхнула синим пламенем, оставляя на углях горстку серого пепла. Не стала ему писать и звонить. Ни одной буквы. Ни одного знака препинания. Никакого «выяснения отношений» с человеком, который сбежал из моей постели, пока я спала.

Пошла в душ. Включила ледяную воду. Вода стекала по моей коже, смывая его запах — запах горького ириса и морозного озона. Я смывала с себя его ласки, его клятвы, его «ты моя часть». Я забирала свою душу из его рук обратно. Сантиметр за сантиметром.

А потом я зашла в свою лабораторию. Включила главный аналоговый реставратор. Каэль думал, что он забрал все. Он думал, что он — единственный, который умеет переигрывать систему. Умный, прагматичный, сильный мужчина. Но он забыл про одно крошечное правило Арбитра Окончательности…

Я никогда не работаю на одном носителе. Пока он спал после нашей первой ночи страсти, я оцифровала все три бобины Лео на мастер-матричный аналоговый диск высшего разрешения. Весь архив — с подписями, с протоколами приемки 1992 года, с аудиозаписями и с его собственной ролью в попытке замять дело — лежал в моем зашифрованном сейфе. Каэль поехал на сделку с пустышкой. А настоящая Чистая Частота осталась у меня.

ГЛАВА 9: АНАТОМИЯ ЗАБЫТОГО ШЕЛКА

Каэль был за границей. Мне сообщил об этом сам Маркус.

Его отсутствие не шуршало в газетах и не горело в новостных лентах. Он просто растворился в стеклянных пространствах европейских финхолдингов — человек, который унес с собой мой покой, но оставил мне свое главное проклятие: умение видеть чужую фальшь насквозь за задержку в полсекунды.

Это когда ты просыпаешься в четыре утра, в своей квартире, где пахнет сухой лавандой и остывшим кофе. Твое тело помнит, как он притягивал тебя за талию, как его пальцы запутывались в твоих волосах, а его бархатный бас шептал в темноту: «Ты частичка меня, Нова.». А потом ты поворачиваешь голову — и видишь пустую подушку. И понимаешь, что эти слова были просто красивой анестезией, которую тебе ввели перед тем, как вырезать твою душу.

Прошло уже достаточно времени. Боль не проходила. Она стояла у меня за спиной, когда я надевала свое тяжелое кашемировое пальто. Она садилась со мной на пассажирское сиденье моего черного купе. Она учила меня резать чужие иллюзии с еще большей, абсолютной, ледяной жестокостью.

Я осталась Арбитром Окончательности. Моя работа стала моей единственной формой личного суда над этим гнилым миром.

Заказ пришел в ночь на субботу. Уровень — «Черный лотос». Высшая категория сложности, где ставка — не деньги, а выживание двух крупнейших кланов портового бизнеса.

Заказчиками выступали двое. Артур — владелец закрытой судоходной империи, человек с литым подбородком, привыкший покупать судей и министров. И Эмир — его бывший первый заместитель и бенефициар, отсидевший семь лет в закрытой заграничной тюрьме за аферу, которую они проворачивали вместе десять лет назад.

Но они пришли ко мне не делить заводы и не вызывать киллеров. Они пришли, потому что три дня назад не стало Елены.

Елена была женщиной, чье имя десять лет назад гремело по всему побережью. Официально — жена Артура. Неофициально — архитектор всей их логистической схемы и единственная любовь Эмира, ради которой тот когда-то взял всю вину на себя и пошел на срок, получив обещанную «защиту и пожизненный опцион».

Но перед своей смертью от рака в загородном пансионате Елена не оставила завещания. Она оставила аналоговый банковский бокс №909 с двойным кодовым замком и передала право распоряжения Арбитру. То есть — мне.

Условие Елены было беспощадным: Арбитр должен собрать Артура и Эмира в одной комнате, вскрыть материалы и вынести окончательный приговор — кто из них получит право на её архивы, а кто будет сокрушен публично.

Мы встретились в три часа ночи в закрытом зале старой портовой библиотеки. Дождь за высокими арочными окнами молотил по стеклам, создавая ощущение полной изоляции от мира. Пахло старой кожей, сигарным дымом, выдержанным виски и той самой удушливой ядовитой ненавистью, которая вызревает между близкими людьми годами.

Артур сидел во главе тяжелого дубового стола, не снимая кожаных перчаток. Эмир стоял у камина, его лицо покрывали шрамы — следы тюремной жизни, которую ему оплатил «верный друг».

— Вскрывай сейф, Арбитр, — сухо произнес Артур. — Елена принадлежала мне. Все эти годы я содержал ее, я оплачивал ее лечение, хранил ее имя.

— Ты продал ее, Артур, — тихо, но с дикой хрипотой отозвался Эмир у камина, его глаза горели тяжелым, немигающим огнем. — Ты насильно надел на нее кольцо, сделал ее

фасадом своей чистенькой жизни, а когда меня закрыли — ты переписал все её патенты на себя и запретил ей выезжать за границу. Она ненавидела тебя каждый день из этих десяти лет.

— Она была моей женой! — рявкнул Артур, ударив кулаком по столу.

— Она была вашей жертвой, — ледяным тоном перебила их я.

Мой голос прорезал зал, как скальпель. Они оба замерли, уставившись на меня. В этот момент я не была просто наемником. Я была воплощением той самой Чистой Частоты, перед которой рушатся любые мужские амбиции.

Я достала из стального кейса первый носитель Елены. Это была не бумага. Это была запечатанная восковая лента аналогового диктофона 1990-х годов и стопка оригинальных шифровальных ключей. Я установила ленту в проигрыватель. Нажала тумблер.

В тишине библиотеки раздался сухой шуршащий звук, а затем — тихий, глубокий, невероятно красивый и сломанный женский голос Елены:

«Если Артур и Эмир сейчас сидят перед вами, Арбитр… значит, моя последняя игра началась. Десять лет назад вы оба клялись мне в абсолютной верности. Артур шептал, что я — его дух, его единственная любовь, ради которой он построит империю. Эмир перед арестом рыдал на моих коленях, заявляя, что я — его душа, и он пойдет на плаху ради моего будущего…»

Голос Елены с ленты продолжал, режа воздух без жалости:

«Но вот вам правда, которую я хранила десять лет: вы оба меня использовали. Артур женился на мне, потому что без моих математических кодов он был обычным суетливым мелким контрабандистом. Он сделал из меня золотую клетку, чтобы я не ушла к другим. А Эмир… Эмир пошел в тюрьму не ради меня. Он пошел туда, потому что за его молчание Артур перевел на его офшор сорок миллионов долларов, которые он скрыл даже от меня. Вы оба торговали мной, как товаром в порту. Вы оба раскидывались словами о „вечности“, но выбрали деньги и статус»…

В зале наступила страшная, мертвая тишина.

Лицо Артура стало серым, как пепел. Эмир у камина медленно опустился на кресло, его руки задрожали. Лента сделала последний виток и остановилась с сухим щелчком.

Елена обнулила их обоих. Она не дала компромата для шантажа. Она выставила в открытый доступ для налоговых органов и прессы полную расшифровку их счетов, показав, что вся их империя — это сплошной фальшивый пузырь, построчный на обмане и предательстве друг друга.

— Она… она уничтожила нас, — прошептал Артур, глядя на пустую ленту.

— Она не уничтожила вас, — я встала, застегивая свое пальто и убирая диктофон в сумку. — Она просто вернула вам вашу настоящую стоимость. Вы оба искали в ней не женщину. Вы искали в ней инструмент для своего эго. Мне жаль только одно: что ей потребовалось на это десять лет.

Я развернулась и пошла к выходу из библиотеки. Они не бежали за мной. Они сидели в этом темном зале, раздавленные, пустые, уничтоженные собственной трехслойной ложью.

На улице дождь смывал пыль с мостовой. Я села в свое купе, опустила стекло и глубоко вдохнула ночной озон. Внутри меня горела сухая, яростная, чистая боль. Я видела в истории Елены, Артура и Эмира свою собственную драму. Я видела Каэля. Каэля, который шептал мне ночами про «ты частичка меня», а утром аккуратно забрал архив и улетел за границу строить свой чистенький, удобный мир с акционерами. Каэль ничем не отличался от Артура. Он просто был моложе, красивее и умел говорить более бархатным голосом.

Я положила руки на руль. Сжала их до хруста в суставах.

— Ты слышишь меня, Каэль? — прошептала я в мокрую темноту ночного мегаполиса. — Ты думал, что оставил меня с разбитым сердцем. Но ты просто дал мне самую мощную броню в этой жизни.

Я больше никогда не поверю ни одному слову про «любовь» от человека, который не способен быть честным. Мой Покой теперь принадлежит только мне. И он нерушим.

Я нажала на газ. Мотор взревел, и черное купе унеслось по ночному мокрому проспекту в сторону Енисея. Навстречу моему собственному, свободному и чистому рассвету.

ГЛАВА 10

Вы когда-нибудь замечали, как странно пахнет время, когда оно заперто в четырех стенах без доступа свежего воздуха?

Оно пахнет пылью, старым лаком и застарелым страхом. Оно вибрирует на низкой частоте, которую не слышат те, кто привык бежать. Но я слышу.

Для меня каждый закрытый сейф и каждая нераспечатанная коробка — это ритм, который бьется в унисон с моим собственным, рваным пульсом.

Я продолжала жить по инерции своего Покоя. Каэль был призраком, застрявшим на границе другого мира, но его предательство стало моим новым рабочим инструментом.

Знаете, в чем ирония? Когда тебя ломает человек, которому ты доверяла, ты перестаешь верить в саму концепцию «доверия». И это делает тебя идеальным Арбитром. Ты больше не ищешь оправданий. Ты ищешь только исходный код.

Новое дело пришло в среду.

Заказчик — Глеб, адвокат с лицом, вырубленным из гранита, и репутацией человека, который хранит секреты даже в коме.

Он приехал ко мне в гараж, когда я настраивала подшипники на своем скейте. Свет тусклых ламп отражался в его очках. Он положил на верстак тяжелый латунный ключ с гравировкой в виде перевернутого якоря.

— Это ключ от пентхауса Элеоноры Райх, — сказал он. — Она впала в кому два дня назад. Родственники уже делят мебель, но у Элеоноры был секретный сейф в полу, встроенный в основание её рояля. В сейфе — материалы, которые могут стереть с лица земли карьеру одного очень медийного «мецената» и нынешнего кандидата в мэры.

— И вы хотите, чтобы я вскрыла его раньше, чем это сделают наследники? — спросила я, не отрываясь от работы.

— Я хочу, чтобы вы решили, кому должна принадлежать эта правда. Элеонора оставила четкое указание: «Арбитр определит чистоту частоты».

Пентхаус Райх находился на верхнем этаже башни «Вертикаль». Внутри было пусто и холодно. Огромные окна в пол выходили на реку, которая в этот вечер казалась черным расплавленным свинцом.

Посреди зала стоял белый рояль Stenway, накрытый прозрачным чехлом. Он выглядел как памятник на кладбище амбиций. Я нашла сейф. Подшипниковый зажим и электронный стетоскоп помогли мне считать код за семь минут. Стальная дверь отошла с сухим, победным щелчком.

Но внутри не было компромата. Там не было ни видеозаписей, ни пачек денег, ни документов с печатями. Там лежала пара детских крошечных ботиночек, выцветшая фотография 1995 года и старый, пожелтевший лист бумаги с результатами ДНК-теста.

В этот момент сзади скрипнула дверь. Я не обернулась. Я знала этот звук. Звук дорогой обуви на полированном паркете.

— Оставь всё как есть, Нова, — раздался тихий, уверенный голос. — Это не та правда, которую стоит выносить из этой комнаты.

Я медленно повернулась.

В дверях стоял тот самый «меценат» — Денис. Человек с рекламных щитов, обещающий городу «новый порядок и честность». Его идеальный костюм, его холеное лицо и этот мягкий, вкрадчивый голос… Он пах точно так же, как Каэль в наше последнее утро. Пах дорогим прагматизмом и трусостью, завернутой в шелк.

— Это твой ребенок, Денис? — спросила я, указывая на сейф. — Ребенок, которого ты заставил Элеонору спрятать тридцать лет назад, чтобы не портить свою карьеру безупречного холостяка?

— Элеонора была согласна, — он сделал шаг в комнату, и его тень накрыла рояль. — Ей заплатили. Много. Она жила в этом пентхаусе, ни в чем не нуждаясь. А мальчик… он вырос в хорошей семье в Европе. Он даже не знает, кто его отец. Зачем сейчас ломать жизнь стольким людям?

— Ты не защищаешь его жизнь, — я подошла к нему вплотную. Мое кашемировое пальто коснулось его пиджака. — Ты защищаешь свой рейтинг. Ты боишься, что люди увидят за твоей «честностью» обычного человека, который отказался от сына ради депутатского кресла.

Денис усмехнулся. В его глазах промелькнула та самая сталь, которую я видела у Каэля. Мужчины этого типа не просят. Они договариваются.

— Пять миллионов, Нова. Прямо сейчас на твой счет. Забирай ботинки, забирай тест, сжигай их и уходи. Элеонора никогда не придет в себя. Об этой истории не узнает никто.

Слышите этот торг? Пять миллионов за молчание. Пять миллионов за то, чтобы продолжать считать вранье — нормой.

Мой мозг мгновенно выдал картинку: Каэль, стоящий в «Метрополе», готовый продать архив Лео за такие же грязные привилегии. Они все сделаны из одного теста. Все они называют предательство «взрослым компромиссом».

— Твоя ложь когда- то вскроется, так зачем оттягивать? — тихо сказала я. — Ты думал, что покупаешь Арбитра. Но ты просто покупаешь себе еще несколько лет в иллюзии.

Я достала из сумки свой мобильный терминал. Я не стала брать деньги. И не стала звонить журналистам. Я сделала то, чего он боялся больше всего. Нашла контакт того самого «мальчика в Европе». Он был взрослым мужчиной, художником в Берлине. Я отправила ему только одно фото — этот сейф, эти ботинки и короткую подпись: «*Твое молчание закончилось. Приезжай закрыть счет*».

Мужчина рванулся к моему телефону, но я перехватила его руку. Мой захват был жестким, профессиональным. Я видела в его глазах панику. Не ту благородную панику героя, а мелкий, суетливый страх разоблаченного воришки.

— Ты… ты уничтожила всё! — прошипел он.

— Нет, Денис. Я просто восстановила баланс. Ты будешь мэром, или не будешь — мне плевать. Но ты больше не будешь человеком, который думает, что можно стереть свою кровь чеком на пять миллионов. Покоя тебе.

Я вышла из пентхауса. Лифт летел вниз со скоростью свободного падения. В ушах звенело от тишины. Я села в свою машину. Дождь все еще молотил по крыше. Я достала из кармана старую фотографию из сейфа — ту самую, которую я незаметно забрала себе. На ней Элеонора была молодой, счастливой и совсем не похожей на женщину в коме.

Я подумала о Каэле. Где-то там, за границей, он, вероятно, тоже думал, что деньги и статус купят ему право забыть о том, как он оставил меня в то утро. Он думал, что «чистая частота» — это товар. Но правда в том, что счета всегда приходят к оплате. И мой счет к нему еще не закрыт. Я нажала на газ. Мотор взревел, и купе унеслось в неоновую мглу города.

Мой Покой был со мной. Холодный. Гордый. **Одинокий…**

ГЛАВА 11

А что если, на секунду снять свои идеальные фильтры?

Выключить этот бесконечный поток чужих успехов, чужих идеальных пар и чужих красивых признаний в сети. Посмотреть мне прямо в глаза сквозь эти строки.

Вы тоже пытались прийти в себя? Когда всё кипит внутри, когда от чужой подлости в груди застывает тяжёлый ком, а голова разрывается от вопросов: «Почему именно со мной?». Что вы делали? Пили до дна? Искали мимолётных встреч на одну ночь?

Я выбирала скорость. Час ночи. Октябрьский Красноярск, умытый холодным мелким дождем. Набережная Енисея пуста, как мой личный чат с Каэлем. Огни вантового моста отражаются в мокром граните длинными золотыми и синими иглами. В воздухе пахнет горной водой, мокрым бетоном, озоном и жженой резиной.

На мне — широкий оверсайз-худи, тяжелые кеды и капюшон, надвинутый на самые глаза. Под ногами — мой скейтборд. Старый дек из канадского клена, слегка потертый по краям, с идеально отрегулированными подвесками и тяжелыми жесткими колесами.

Я делаю первый мощный толчок правой ногой. Щелчок. Гул подшипников по мокрому асфальту. Звук, который я не променяю ни на один дорогой ресторан в мире. Колеса режут водяную пленку, сплиттеры отлетают в стороны, и город начинает сжиматься в одну плотную, прозрачную линию.

Когда ты наберешь скорость сорока километров в час на узкой доске, у тебя нет права на ошибку. Наклонишь корпус на два градуса влево не вовремя — и твое тело впечатается в гранитный парапет. Мозг мгновенно отключает весь лишний шум.

Исчезает Каэль. Исчезают его ночные клятвы «ты частичка меня». Исчезают пять миллионов Дениса и сбежавшие чиновники. Остаешься только ты, скорость и сила тяжести.

Я закладываю дугу у самого края набережной. Скорость растет. Ветер бьет в лицо так, что слезы из глаз выдувает за уши. Мое тело работает на автомате: баланс на правой ноге, разворот плеч, глубокий присед, щелчок — и доска взлетает над бордюром на сантиметры, ровно приземляясь обратно с глухим, чистым стуком.

В этот момент ты чувствуешь то, о чем молчат все психотерапевты мира. Ты чувствуешь свой собственный, несокрушимый Покой. Они думали, что сломали тебя. Каэль там, за границей, вероятно, искренне убежден, что я сижу в своей лаборатории, плачу над его запиской и пересматриваю наши старые фотографии. Он думает, что за брал с собой мою душу.

Я остановилась у самого края парапета, сорвав скейт в занос. Доска встала на дыбы, я перехватила ее пальцами за подвеску. В жилах бурлил чистый адреналин, сердце стучало в горле, как дикий мотор. Я оперлась о холодные чугунные перила, смотря на темную, могучую воду Енисея.

Река не рыдает. Она просто переносит свои миллионы тонн воды через горные породы и поселения, не испрашивая дозволения ни у кого.

Я достала из кармана телефон. На экране горело одно пропущенное уведомление от закрытого сервера. Не сообщение. Не звонок. Просто технический отчет о том, что файл «Чистая Частота» на европейском носителе был скачан с IP-адреса в Цюрихе. Это был он. Каэль прочитал тот самый архив. Он понял, что проиграл.

Я не стала смотреть детали, а просто заблокировала экран и убрала телефон глубоко в карман, подумав что наступило спокойствие в душе.

А спокойствие ли это на самом деле?

Тогда почему твой мозг все равно продолжают занимать мысли о нем?

Почему ты идешь по улице, делаешь свою работу, держишь королевскую спину, а внутри на репите крутятся одни и те же мысли?!

Я продолжаю нарезать дуги по граниту и задаю себе те самые вопросы…

А что он чувствовал? Вот прямо в ту секунду, когда стоял у моей кровати в четыре утра, пока я спала. Когда он смотрел на мое лицо, на мои плечи, на открытые губы, которые еще помнили его поцелуй. Чувствовал ли он хоть каплю стыда? Содрогнулась ли у него хоть одна жилка внутри, когда его пальцы касались сумки с архивом? Или его мозг уже выстроил удобную, сладкую анестезию: «я делаю это ради нас, она потом поймет»? И были ли правдивы его слова? Вот это выжигает сильнее всего.

Когда он притягивал меня за талию у старого радиомаяка, когда впивался пальцами в мои бедра и прошептал прямо в губы: *«Ты частичка меня, Нова. Ты — мое единственное настоящее золото»*. Он врал? Он играл роль? Или в ту конкретную секунду он действительно сгорал от любви, а потом просто протрезвел и выбрал свой привычный, сытый компромисс?

Знаешь, к какому страшному выводу я пришла на этой скорости?

Он не врал. В ту секунду он действительно любил меня всем своим мелким ресурсом. И от этого становится еще тошнотворнее. Понять, что человек может искренне тебя любить — и при этом спокойно шагнуть через твою душу ради своего удобства. Что его «любовь» ничего не стоит, потому что у нее нет фундамента из чести.

Я делаю глубокий присед, щелкаю тейлом — доска прыгает через бордюр, приземляясь с глухим стуком на плоский асфальт. Мышцы ног гудят, пульс в висках стучит, как сумасшедший бит.

Почему он все еще в моей голове? Потому что мозг — это устройство, которое не переносит незавершенности. Мозг привык искать логику. Ему нужно объяснить, как человек, который шептал «мы один организм», может на утро превратиться в чужого ледяного функционера. Но в предательстве нет логики. Там есть только трусость.

Я закладываю последний резкий занос. Колеса визжат по мокрому граниту, доска встает на дыбы, и я перехватываю её пальцами у самого края набережной. Я стою у чугунных перил. Тонкая струйка пота стекает по виску. Река внизу катит свои черные свинцовые волны. Река не задает вопросов. Ей плевать на чужие невыполненные клятвы.

Достаю телефон. Никаких сообщений. Никаких сигналов. Каэль за границей, в своем чистеньком, стеклянном мире. Он строит свою жизнь, а я стою здесь, с разбитым, но абсолютным осознанием истины.

Прошло 4 недели…

ГЛАВА 12: РАЗОРВАННЫЙ КОМПАС

Дорогой мой читатель. Давай отбросим всю эту пафосную ложь про железных женщин, которые не умеют плакать. Давай сотрем эту красивую картонную маску Арбитра Окончательности, у которого якобы никогда не дрожат руки.

Я хочу быть с тобой абсолютно, пугающе честной.

Все эти четыре недели… четыре недели, каждую божью ночь, засыпая в пустой мансарде, думала о нем. Вспоминала нашу каждодневную переписку несколько лет назад, прокручивала на репите наши ночи у камина, его бархатный голос, запах горького ириса и то, как его жесткие ладони сжимали мои бедра. Мое тело выло от нехватки его тепла. Я проверяла его сеть, смотрела на пустой чат, я ждала его звонка до судорог в горле, до глухих рыданий в подушку, пока город спал.

Несколько лет назад, когда в наших дружеских беседах только начала зарождаться нить взаимной симпатии, он внезапно стал пропадать. Я пребывала в растерянности. Каждый раз, когда я пыталась связаться, он отделывался отговорками, что сейчас нет возможности, и обещал написать сам завтра. Но обещаний не следовало, а я продолжала ждать. Через несколько дней я снова инициировала разговор, и он отвечал с такой теплотой, уверял, что скучает и что я в его сердце, но затем вновь исчезал, повторяя те же обещания. Моё ожидание затягивалось. Когда я потребовала от него ясности на нашем общем деле, он просто ушёл от ответа. Так наше общение и завершилось. Мне была нужна определённость, а он оказался недостаточно сильным, чтобы её предоставить. Но я четко помню то чувство ожидания, которое обжигало тебя внутри.

И спустя несколько лет я вновь, отчаянно ждала, что он позвонит.

И когда в эту пятницу на экране моего терминала вспыхнул его старый личный номер — вся моя хваленая стальная броня, которую я так бережно ковала все эти месяцы, просто растаяла за одну секунду. Рассыпалась в пыль.

Мое сердце сделало такой безумный, дикий толчок, что в ушах зазвенело. Руки задрожали так, что я едва не выронила телефон.

Я нажала «принять».

— Слушаю, — прошептала я. И мой голос, как бы я ни старалась, выдал меня — он дрожал.

В трубке стояла звенящая, тяжелая тишина. А потом раздался его голос. Его сбитый, хриплый, безумно родной голос Каэля:

— Привет, Нова… Я не могу без тебя. Мое сердце не отпускает тебя. Я совершил самую страшную ошибку в жизни, когда забрал те пленки. Я люблю тебя. Я безумно люблю тебя, Нова. Позволь мне вернуться.

В этот момент внутри меня взорвалась сверхновая звезда. Это было чистое, концентрированное, сумасшедшее счастье. Моя душа кричала: «Да! Прилетай! Брось всё, беги ко мне, я здесь, я так сильно скучала!». Мои чувства к нему — те самые, глубокие, живые, обжигающие — горели с той же дикой силой, что и в нашу последнюю ночь у камина.

Ничего не умерло. Всё было живо. Но пока мое сердце захлебывалось от радости… мой разум ледяным, безжалостным шепотом читал мне приговор.

«Он предатель, Нова, — шептал разум. — Вспомни ту пустую столешницу. Вспомни, как он спал с тобой, клялся в любви, называл частью себя, а сам в это время паковал твою искренность в сумку ради своего контракта в Цюрихе. Если ты сейчас впустишь его обратно — ты сама подпишешь согласие на то, что тебя можно предавать».

Это была невыносимая, разрывающая на части пытка. Слёзы покатились по моим щекам, горячие и горькие. Я стояла посреди лаборатории, закрыв глаза, и плакала — впервые за эти четыре месяца плакала от бессилия перед собственной любовью и собственной правдой.

— Каэль… — мой голос сорвался, дыхание перехватило. — Зачем ты звонишь? Зачем ты ломаешь меня заново?

— Я хочу вернуть нас, — его бархатный бас дрогнул, в нем прорезались настоящие мужские слезы. — Я хочу исправить всё. Я люблю тебя. Ты слышишь?

— Я слышу… — прошептала я, вытирая слезы дрожащими пальцами. — И я… я тоже люблю тебя, Каэль. Я люблю тебя так сильно, что мне больно дышать все эти четыре месяца. Ты действительно моя частичка. И я была бы самой счастливой женщиной в этом мире, если бы могла просто сказать тебе «да».

Я сделала паузу, чувствуя, как внутри меня режется самый важный, самый страшный шов.

— Но я не могу, — из последних сил, сквозь слезы, произнесла я. — Мое сердце кричит тебе «да», но мой разум… мой разум помнит ту пустую комнату. Он помнит, что ты оказался способен переступить через меня ради своей удобной сделки. Если я впущу тебя обратно — я предам саму себя. А без уважения к себе я не смогу любить даже тебя.

Я нажала кнопку отбоя и отбросила телефон на стол, упала лицом в ладони и разрыдалась. Глухо, навзрыд, выпуская всю ту боль, которую я копила эти бесконечные четыре месяца. Это не был триумф победителя. Это были похороны моей самой большой, самой чистой и самой красивой иллюзии.

Плакала долго. А потом, когда слезы закончились, оставив после себя лишь ледяную, прозрачную пустоту, я взяла свой скейт. Спустилась на набережную. Встала на доску и покатилась вперед.

Я катилась по пустой набережной Енисея, ветер бил в лицо, высушивая мокрые дорожки от слез на моих щеках. А в голове меня мучал один вопрос, слушать сердце или разум?

Сердце твердило своё: ты знаешь его много лет и каждый раз, когда мы расставались, я чувствовала, что оставляю часть себя. Возможно, он и вправду совершил ошибку. Но каждый человек заслуживает шанс на исправление ошибок.

Разум, холодный и бесстрастный, выстраивал логические цепочки, как стены крепости. Он напоминал: два раза мы уже пробовали — и дважды путь обрывался на полпути. Если привычка стала закономерностью, то третий раз станет лишь повторением сценария, где финал известен заранее.

Под конец я задала себе другой вопрос: какой из этих двух путей я смогу прожить без сожаления?

ГЛАВА 13: ЭХО ПОТЕРЯННОГО БРАТА

Самое тяжелое — это не терять любимых. Самое тяжелое — это терять тех, кого ты считал своим братом по духу. Потому что любовника можно вычеркнуть из сердца, а человека, с которым ты делил один хлеб, не стереть даже ледяной водой.

Существуют вещи, которые режут еще глубже, но о которых мужчины и сильные женщины предпочитают молчать за закрытыми дверями.

Вы когда-нибудь теряли друга? Не просто знакомого, с которым приятно потягивать кофе по пятницам, лениво перекидываясь смешными видео, — нет. Я говорю о человеке, с которым вы проросли друг в друга корнями, срослись венами и памятью. О том, кому ты мог доверить свою спину в самый лютый шторм, не оборачиваясь, зная, что он прикроет. О твоём «брате по духу», о втором крыле, без которого ты теперь не взлетишь.

Потерять такого человека — это не просто боль. Это ампутация половины твоей памяти. Это когда прошлое звенит обрывками голоса, а будущее смотрит на тебя пустой стороной, где некому бросить вызов, некому подставить плечо. Ты остаёшься, как дерево, у которого срезали половину кроны, — живёшь, но каждый ветер напоминает, чего не хватает.

Новое дело пришло ко мне во вторник. И оно пахло именно этим — горечью настоящей, невосполнимой потери.

Заказчика звали Свят. Молодой, но уже седеющий мужчина с тяжелыми, запавшими глазами, в которых стояла сухая, вымораживающая тоска.

Он пришел в мою лабораторию не один — он принес с собой старый металлический кофр для кинопленки, перетянутый кожаным ремнем с армейской пряжкой.

— Три недели назад умер Лев, — сказал Свят, опустившись на край деревянного стула. Его голос звучит глухо, словно он говорил из глубокого колодца. — Мой единственный брат. Не по крови — по жизни. Мы с ним пятнадцать лет поднимали бизнес из руин, делили одну съёмную квартиру, одну буханку хлеба и один спальный мешок в горах.

— От чего он умер? — тихо спросила я, наливая ему черный горячий кофе.

— Автокатастрофа на ночной трассе. Сорвался с обрыва в шторм, — Свят сжал чашку обеими руками, смотря на тусклый свет лампы. — Но перед смертью… за два дня до этой аварии, Лев спрятал этот кофр в нашем старом гараже и отправил мне сообщение с кодом от замка. И один короткий текст:

«Арбитр вскроет его, когда меня не станет. Не раньше».

Я смотрела на этот кофр. Старый, потертый на углах металл. В нем пахло той самой подлинной жизнью, которую не купить ни за какие деньги.

— Почему он не отдал его тебе лично, Свят? — спросила я, садясь напротив.

Свята передернуло.

Он отвел взгляд к затененному окну.

— Потому что за полгода до своей гибели мы разругались до драки, — выдохнул он, и в его голосе прорезалась та самая ядовитая, неостывшая вина.

— В наш бизнес зашли большие деньги. Появились люди из фонда, предложили слияние. Я хотел подписать контракт, хотел масштаб, хотел миллионы… А Лев встал на дыбы. Он сказал: «Эти деньги грязные, Свят. Если мы их возьмем — мы потеряем наше имя и свою совесть». Я назвал его фанатиком. Назвал его тормозом, который тянет меня на дно. Мы перестали общаться. Я вычеркнул его из компании.

Как же одинаково рушатся людские судьбы? Как легко человек готов разорвать пятнадцатилетнюю дружбу, предать своего «брата» ради призрачного «масштаба» и денег.

Свят поступил с Львом ровно так же, как Каэль поступил со мной. Он променял человека на систему.

— Вскрывай кофр, Нова, — тихо попросил Свят. — Я не спал три недели. Я хочу знать, что мой брат думал обо мне перед смертью. Ненавидел ли он меня? Проклял ли за ту ссору?

Я взяла инструмент. Замок кофра поддался с сухим, металлическим щелчком. Внутри не было юридических документов. Там не было акций компании или финансового компромата. В кофре лежала старая походная фляга, пожелтевшая фотография, где двое молодых парней обнимаются на вершине заснеженной сопки, и матовая бобина с аналоговой аудиопленкой 19-мм.

Я заправила ленту в проигрыватель. Нажала «Play». В тишине лаборатории раздался характерный шорох, а затем — сильный, глубокий, смеющийся голос Льва. Голос человека, которого больше нет в живых:

«*Привет, брат… Если ты слушаешь это, значит, меня всё-таки догнал мой собственный шторм…*»

Спят замер. Слёзы мгновенно хлынули из его глаз, он зажал рот ладонями, чтобы не закричать от невыносимой боли. Голос с ленты продолжал — без обиды, без яда, с той самой великой, недосягаемой мужской мудростью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.